

Г. И. КОПЫЛОВ

ЕВГЕНИЙ СТРОМЫНКИН
(роман в стихах)

– А почему оно красное?
– А потому что зелёное!

*Из детской загадки***Глава первая**
УТРО

Сяду я за стол
и подумаю,
как на свете жить
с такою суммою...

*А. Кольцов***1**

«Мой дядя — адвокат известный,
Он огребает денег тьму.
И, право, было бы уместно
Заехать нынче мне к нему.
Стипендия ой-ой далече,
А как же Новый год я встречу,
Когда в кармане ни копейки?
Нет, нынче ж еду к дяде я...
Хоть ехать, правда, неохота, —
О чём болтать со стариком?
Он мне почти что незнаком.
Но Новый год? А, еду, что там!
Порасспрошу, порассмешу
И, кстати, денег попрошу».

2

Наметив план мероприятий,
На глаз прикинув их объем,
Стромынкин Женя, мой приятель,
Решил уверенно: «Пробьём!»
Уже успел он, вставши рано,
Обрыскать все карманы рьяно...
Но кроме серого платка,
От авторучки ободка,
Да крошек — завтраков остатка,
Да горстки радиочастей —
Верньеров, клемм и емкостей,
Да двух копеек за подкладкой,
Да пропуска в студгородок, —
В них ничего найти не смог.

3

По перечню читатель тотчас
Поймет, что, волею судеб,
Евгений — обойдусь без отчеств —
Из общежития студент.
Других же сведений покуда
О нём я разглашать не буду —
Нет времени. Стромынский люд
Проснулся. Жители снуют
По полутёмным коридорам.
Здесь в умывалку держат путь
Ребята, волосату грудь
Открыв нелюбопытным взорам.
Там девушка, надев халат,
Скользит с ведром, потупив взгляд.

4

Кто тащит булок половинки,
Кто мчится со сковородой
Из кухни... Ба, а вот Стромынкин,
Знакомый наш. Решив едой —
Едой обильной и горячей —
Заесть с деньгами неудачу,
Из кубовой он налегке
Несётся с чайником в руке.
И, сев за стол, единым духом —
Не маслом, не яиц пятком —
Обыкновенным кипятком
С обыкновенною краюхой
Он утолил свой аппетит —
И вниз по лестнице летит...

5

Но нет трамвая очень долго...
Герой афиши стал смотреть,
А я, чтоб не стоять без толку,
Хочу чего-нибудь воспеть.
Ведь я поэт. А все поэты
Поют высокие предметы,
Глаза вздымая к небесам.
И если б Маяковский сам
Увидел, чудом воскрешенный,
Как сонмы членов ССП
Гнут осанну нараспев,
То он воскликнул бы, взбешенный:
«Нет, лучше, честью дорожа,
Уйти в зверинец, в сторожа!»

6

Где, где вы, бодрые задиры,
Где те, о ком мечтал поэт,
Кто б нашу совесть бередили,
Чей облик чист, в ком страху нет?!
Куда исчезли юморески
С неожиданной рифмой, слогом резким?
Где гнева речь, гражданский пыл?
— По пустякам пошёл в распыл!
Никто теперь «Клопов» не давит,
Чинушам «Баней» не грозит,
Мещан никто уж не разит —
Поэты нынче только славят,
И будто потоки поток
У них сочится между строк.

7

И, взглядом мысленно окинув
Журналы, тянешься зевнуть.
От баснописцев до акынов —
Все воспевают что-нибудь:
Дубняк, из жёлудя проросший,
И выведенный скот хороший,
Идейность пьес, гармоний вздох,
Приоритет наш в ковке блох...
Все сплошь поют!.. А я чем хуже?
В холодном этом ремесле
Я ль не смогу оставить след?!
Предлог какой-нибудь лишь нужен...
Да вот! Чем это не предлог?
Я воспою... хоть кипятком!

8

Я восхищенными стихами
Хочу воспеть тебя давно,
Рассматриваемая нами
В момент кипенья H_2O ,
Остаток от поры военной,
Студента спутник неизменный,
Отрада долгих вечеров,
Для тех, чей аппетит здоров,
А утолить — не по карману.
Твой дух, твой жар всегда создаст
Недостающий нам балласт
Для погружения в нирвану.
И в честь тебя в кратчайший срок
Создам я оду в сотню строк:

9

— О ты, в титане взятый с бою,
Прошедший сквозь огонь и дым,
С температурой любой,
А также с запахом любым, —
Уходишь ты во тьму преданий.
Сейчас в означенном титане
Кран поверни — и без труда
Идёт кипящая вода!
Уж мне не слышать «Был да вышел»,
Встав за тобою в длинный хвост,
И в этом — несомненный рост
Благо... Пардон, я не расслышал:
Трамвай подходит, дребезжа.
Вон и Стромынкин побежал...

10

Чтоб штрафа не схватить, украдкой
По сторонам бросая взгляд,
В вагон с передней он площадки
Вошёл и двинулся назад,
К кондуктору. А там к соседу
Он запустил глаза в газету
И едет важно, как король, —
Поди, поймай его, контроль!
А впрочем, если б был замечен
Он в том, что не купил билет, —
Опасности большой тут нет:
Платить-то всё равно ведь нечем!
Езжай, Евгений, в добрый час...
Я ж о тебе начну рассказ.

Глава вторая ГЕРОЙ

Я не был вундеркиндом, но я буду им!

Мика Бонгаро

1

Он родился у вод днепровских,
И, стало быть, от юных дней
Не теснота дворов московских,
А тень садов и ширь полей
Его привычно окружала.
От пристани и до вокзала
Весь город был что сад сплошной.
Бывало, он тонул весной
В густейшем запахе акаций,
И зелени ажур сквозной
Цветов скрывался белизной,
И от реки несло прохладцей,
И месяц, молод, но рогат,
Блестел на небе, как агат.

2

Здесь мчалось детство синей птицей
На сверхвысоких скоростях...
Ах, видно, так вся жизнь промчится,
В ушах, как ветер, просвистя.
Ты и не жил, ты только начал:
Послали хлеб купить «без сдачи»,
С друзьями в чехарду сыграл,
У деда табаку украл,
В реке без спросу искупался,
Штаны порвались на зад
(В соседском побывал саду),
С девчонкой во дворе подрался,
Разбил хозяйкино стекло, —
Глядишь, и детство протекло.

3

Бывает так в разгаре прений:
Едва оратор возвестил
О свете мартовских решений
И свору цифр на зал спустил,
Едва лишь новые задачи
Он в этом свете ставить начал,
Едва сморкнулся он в платок,
Едва отпил воды глоток,
Едва лишь красноречья пламень
В нём вдохновение зажгло,
Ан, глядь, и время истекло,
Шумит собрание «Регламент!»
И председатель — дин-дин-дин —
Колотит пробкой о графин.

4

Евгений в школе рвался к книгам
И в чаще книжной заплутал:
Охотился, глотал их мигом,
Вновь доставал и вновь глотал.
Он целиком прочёл, наверно,
Майн-Рида, Купера, Жюль Верна,
А как-то раз им был добыт
Старик «Всемирный следопыт».
«Хоттабыч» и «Гиперболоид»,
«Вратарь» и Саня-капитан
За ним ходили по пятам.
А вырос — стал читать «Былое
И думы», «Кожухов Андрей»
И Джона Рида «10 дней...»

5

Но всё ж и им пришла отставка.
Стал другом Жениным навек
Роман про Бендера Остапа,
Гроза всех нравственных калек,
Всех проявлений идиотства
(Не зря же он не издаётся).
Затем, не оставляя книг,
В радиоклуб герой проник,
Наукой заниматься начал,
Жёг пробки, схемы собирал,
Собрав, ловил на супера
Из-за границы передачу,
Где марш погромный громыхал
Под вопли «хайль» из тысяч хайл.

6

Ему лишь было интересно...
Он, как и мы, не понимал...
...И вот он грянул, день воскресный,
Всё изменил, всё поломал...
В ожесточении атаки
Рванулись на просторы танки.
Что блеск классических штыков
И пена из-под мундштуков
Пред этой оргией металла?!
И начался людей исход,
Машины двинулись и скот,
И Украина запылала,
И погибали средь огней
Мечты и счастье мирных дней.

7

Сейчас, когда он кинет глазом
На жизнь военных этих лет,
То только свой энтузиазм,
Восторг салютов, гром побед
Он вспоминает. А невзгоды,
Испытанные в эти годы,
Исчезли в памяти его:
У ней уж свойство таково.
Забыты горечь отступленья,
Хлеб, взятый за три дня вперёд,
В чернилках школьных синий лёд,
Очередей оцепененье —
Весь тяжкий ежедневный быт
Давно и накрепко забыт.

8

Но и среди военных тягот,
Которым не было числа,
В нём всё осознаннее тяга
К науке физике росла,
К её раздольным горизонтам.
Он бегал в школу, бредил фронтом,
Омлет жевал, жал в поле хлеб,
А замысел всё креп и креп.
И вот, медалью награждённый,
Стремясь к заветной высоте,
Он подал в Университет,
Уселся в поезд, и вагоны,
Послушны зычному свистку,
Пошли в Москву, в Москву, в Москву...

9

Вы, вероятно, их встречали —
Попавших в первый раз в Москву?
Как неловки они вначале,
Что за смятение в их мозгу!
[Им] все тут ново, чуждо, странно:
Метро, ночные рестораны,
Реклам неоновых размах,
Афиш засилье на стенах,
Таблички «Слабость половая»,
Лотошниц у метро галдеж,
Машины, что в жару и в дождь
Асфальт водою поливают,
Толпа у театральных касс...
Едва приехав, в тот же час

10

Туда, где Кремль, туда, где предки,
Они в метро в восторге мчат,
На куполов кремлевских репки
Глазеют, мнутя и молчат,
В патриотизме страстном млея.
Затем плетутся в галерею,
В замоскворецкие места,
Глядеть «Явление Христа».
Тоскливо смотрят на иконы,
Вздыхают на Куинджи «Ночь»,
Затем шарахаются прочь
От лживописцев современных
И возвращаются назад,
Где Репин и Крамской висят.

11

С пушком над пухлыми губами
И пиджаком не по плечам,
И с сундучком, и с сапогами —
Смешон был Женя москвичам.
Но был в нём тот задор щенячий,
Тот неизбывный пыл горячий
И то бесстрашие ума,
Книг не вобравшего тома,
Что отличает нас в семнадцать...
...Всех меряет на свой аршин
С колючей прямою души,
Не научившейся сгибаться, —
Таков Евгения портрет,
Таким он был... тому пять лет.

12*

Он в мир открывшийся широкий,
Где новой жизни бьётся пульс,
Где «лекции», а не «уроки»,
Где говорят не «класс», а «курс»,
Влетел стремглав, как муха в сахар.
С надеждой пополам со страхом,
В желании великих дел
На мир науки он глядел.
К ее наружным атрибутам —
И то почтенье он питал.
Под корешком факториал,
На полке длинноносый Ньютон
И замдекана борода
Были милы ему тогда.

13

Сперва на посещение лекций
Он массу времени терял, —
На чтение разных Папалексей
Да на текущий матерьял:
Конспекты, практикум, задачи.
Но после первой неудачи —
Двух троек в сессию — «Плевать!» —
Решил он и закрыл тетрадь.
И перестал в году трудиться:
«Что ж я, — подумал он, — пижон?»
Своим идейным багажом
Багаж студенческих традиций
Признав, стал жить, как я да вы, —
Не утруждая головы.

14

Итак, он приобрёл сноровку,
Как жить бездумно, день за днём.
Умел пустить на газировку
Последний гривенник ребром.
Зачёт — что письменно, что устно —
Умел он сдать весьма искусно.
Умел за шахматной доской
Сидеть на окнах день-деньской.
А вечерком, футбольным полем
Сменив рябь шахматных полей,
Евгений за «Спартак» болел.
И воплем «Сделай штуку, Коля!»
Вдруг оглашался стадион —
Истошный, страстный сердца стон.

15

Был парнем компанейским Женья.
В мероприятиях групповых
(Слыхали ж это выраженье?)
Участье принимать привык.
Решили, скажем, коллективом
В кино с «Основ» сбежать ретиво
Или в Сокольники на кросс —
О Жене не вставал вопрос.
На комсомольские собрания
Он тоже честно приходил,
Садился с книжкой позади
И только при голосованьи
Глаза взводил. «За большинство!» —
Такой был принцип у него.

16

На вечерах умел картинно
Приличий перейти порог.
«Дубину» знал и «Бригантину»
И «Баба сеяла горох».
На танцах, правда, с грустным видом
Стоял у стен кариатидом:
Хоть танцевать он и умел,
Но с девушками был несмел
И им предпочитал мужскую
Вольноречивую семью,
Где душу отвести свою
В свою тарелку мог, — толкуя,
Волнуясь, мыслию горя,
И издеваясь, и остря.

17

Он не любил беседы пресной:
«Без перцу пухнет голова!
Как корень в плоскости комплексной,
Двузначны быть должны слова», —
Так он говаривал нередко.
В его груди дымился едко
Острот безнравственных очаг.
В его речах, в его очах
Сверкал огонь тот дерзкой мыслью.
Смешное видеть он любил,
На этом глаз себе набил
(Покамест в переносном смысле).
Шутил всегда, шутил везде
И при удачах, и в беде.

18

Шутник уже с солидным стажем,
Евгений не щадил седин,
Был непочтителен ко старшим,
Легко о них рядил-судил.
С учёным, произвольно взятым,
Себя держал он панибратом;
Был запросто к Ландау вхож,
Д. Д. не ставил ни во грош —
Был с миром на ноге семейной
(Такой подход отнюдь не нов.
Я был при том, когда Леднёв
Льва одряхлевшего — Эйнштейна,
Собрав профессоров кагал,
Ногой бестрепетной лягал).

19

Ну, пусть бы хаял он учёных, —
Их учат все, кому не лень, —
Но не жалел он красок чёрных
На вещи, ясные как день.
С неописуемым нахальством
Неутвержденные начальством
Он мысли в голове носил
И даже вслух произносил.
В потёмках мысль его плутала.
Он, ко всеобщему вреду,
Тем самым шёл на поводу
У мирового капитала.
Знать, факультетский комсомол
Работы средь него не вёл.

20

Он утверждал, к примеру, будто
Нет демократии в быту,
Что, де, на мысль надеты путы,
Мол, много лишних на борту,
Мол, спину гнут и ткач, и грузчик,
А в министерствах — толпы жрущих,
В чьих плотоядных черепах
Застыла косность черепах.
Бранил он дикость миллионов,
Культуры нашей нищету
(Меж тем, у нас ведь на счету
И Шостакович, и Леонов).
И даже смел он говорить...
Но нет, не смею повторить!

21

Идей набравшись гениальных,
С учёным видом знатока
«Всё это, право, тривиально»
Любил он бросить свысока.
Чтоб не сказали: «Сам банален!»,
Журналы «*Nature*» и «*Annalen*»,
Случалось, он порой листал.
Знал про неборновский кристалл,
Про борновское приближенье,
Про спиноры, про вириал,
И кто-то даже уверял,
Что даже плазму понял Женя,
Когда пришлось сдавать зачет...
Но, как известно, всё течет.

22

Читал герой теперь немного.
Но не набор газетных фраз,
Навязших истин строй убогий.
Им был изучен едкий Франс,
Бессмертный Хульо Хуренито,
Всё тот же Бендер именитый,
И разрушительный Толстой,
И Жюль Ренара слог простой,
Бальзак, гипнотизёр Андреев,
Затем флоберовский Бувар
И «Модных терминов словарь»
С «Портретом Дориана Грея» —
Вот свод его любимых книг.
Чуть не молился он на них.

23

Он поутру богам здоровья
Чуть успевал поклоны класть
И, обагрённый свежей кровью,
Спешил на лекцию попасть.
Благой совет друзьям подавши —
Засесть от лектора подальше, —
Он лез наверх, как на Казбек,
И между делом вёл конспект.
От дел, бывало ж, нет отбою,
И он их все встречал лицом.
Он по натуре был борцом.
Вся жизнь его была борьбою:
С утра — с мечтами о съестном,
Потом, когда поест, — со сном.

24

Звенел звонок, и он с разбега,
Бросая девственный конспект,
Слетал со своего Казбека,
Чтоб все дела решить успеть.
То развлекался свежей сплетней,
То о страде туристской летней
С друзьями громко толковал,
То лектора атаковал,
Ландау клялся и Юкавой,
А то нырял, как в водоём,
Чтоб скуку одолеть вдвоем,
Во взгляд девический лукавый
И плавал целый перерыв,
Запасы шуток перерыв.

25

Полдня так быстро пролетали,
Ещё в столовой два часа.
Глядишь — герой в углу читальни
Опять учёбой занялся.
Вот толстых книг большая стопка.
Он к верхней потянулся робко,
Открыл, зевнул, перелистал,
Захлопнул, новую достал —
И формул меченое стадо
Погнал рассеянной рукой
Лениво, строчка за строкой...
А после шёл на балюстраду
Делить досуг своих коллег,
Готовить на концерт набег.

26

Он прежде бегал по музеям,
В консерватории зевал,
Был в клубе главным ротозеем,
Певцов в театре вызывал.
Но приобрёл багаж культурный —
И театральные котурны,
Рулады оперных певцов
Забросил он в конце концов
И охладел совсем к балету;
Зато, своим друзьям под стать,
Он научился проникать
В Консерваторию без билета.
Недавно — этой вот зимой —
Мы с ним там были на Седьмой.

27

В кишашем, помню, вестибюле
Собрали мы свою семью,
Построились свиньёй, сомкнули
Ряды и — дружно в толчею.
Махнул контролю в давке жаркой
Единственной контрамаркой
Один из нас... Ура! Он там!
За ним мы рвёмся по пятам,
Сейчас рогатки будут смяты!
Ещё один!.. Ещё нажим!..
Прорыв!.. И мы наверх бежим,
Друзья с физфака и с мехмата.
И нас, несущихся гурьбой,
Встречает скрипок разнбой...

28

Упомянул я о мехмате.
И будет, верно, в самый раз
Сказать сейчас о той печати,
Что факультет кладёт на нас.
Из средних школ вначале вроде
Мы все похожими приходим,
А кончишь университет —
И никакого сходства нет.
Юрист в мечтах — давно Вышинский
И только ждёт команды: «Взы!»
Филолог выучил азы
Ума натугой исполинской.
Экономиста мозг разбух
С цитат да с цифр, как гроссбух.

29

Кто там склоняется к ретортам?
То рекордсмен-легкоатлет!
Стал калачом историк тёртым
По улучшенью давних лет.
Концертных залов завсегда
Давно уж стал студент мехмата,
Академичен и лохмат,
Кончает он родной мехмат.
Географ встал в ряды туристов;
И спайкой дружною берёт
Геологический народ;
Философ ходит, словно пристав:
Всё инспектирует умы...
Но каковы же сами мы?

30

— А ну-ка, автор, нас порадуи!
...И кинул я на тех свой взгляд,
Чьё сердце — ёмкостью с фараду,
В ком — индуктивный мысли склад,
И сразу — к оде разогнался,
Подстёгнут мощью резонанса,
Который в наших контурах
Звучит, невежеству во страх!
Мы и работаем с азартом,
И любим смех, и бурный спорт,
О микромире буйный спор.
Гуно не путаем с Моцартом,
Явь отличаем от химер —
Иным коллегам не в пример.

31

Друзья! Позволю я признание:
 Как свет, как смех, как дом родной,
 Люблю угрюмое создание
 Столетова на Моховой.
 И мне сравнить его охота
 С орлом, присевшим перед взлетом,
 Который взмахом мощных крыл
 Своих орлят от бурь прикрыл.
 И башней — гордою главою —
 Обозревает небосвод:
 Куда б направить свой полет,
 Куда б воспрянуть над Москвою.
 И кручи Воробьевых гор
 Орлиный привлекают взор.

32*

Физфак! Как много в этом слове
 Для сердца нашего слилось,
 С какою нежною любовью
 Оно в душе отозвалось.
 Побудешь с ним денек в разлуке —
 И подышаешь ты от скуки,
 И, нацепив дырявый плед,
 Спешешь быстрее на факультет:
 У расписанья друга встретить,
 Прослушать свежий анекдот,
 Поток рискованных острот
 Услышав, в унисон ответить,
 У стенгазеты сообщая
 Ругать редактора сплеча:

33*

В передовых-де мало проку,
 Их гладкий ход от мыслей чист.
 Де-шутки скучны, как Широков,
 И плоски, как газетный лист.
 Де и заметки в ней не метки,
 Де и ошибки в ней не редки...
 Но все ж с другими не сравнить:
 Есть что хвалить, есть что бранить;
 Не то что младшие собратья —
 Сплошное серое пятно.
 Будь я деканом, их давно
 Распорядился бы содрать я,
 На всю бездарную печать
 Наклав молчания печать...

34*

— Нет, без газет все ж было б скучно...
 — К тому ж ты, друг, не Соколов!...
 — Тсс! Вот он сам, собственноручно,
 Прошел, шагая тяжело,
 Как забеременевший страус...
 И рядом, не отстать стараясь,
 Приняв подобострастный вид,
 Какой-то аспирант юлит...
 Промчал Самарский метеором...
 Прошел веселый Гвоздодер...
 Вот Фридман, старый мухомор,
 Идейных битв боец матерый...
 Проходит Ржевкин, худ и тих...
 — Куда их гонят? Сколько их?

35*

— Ах, да! Ведь семинар сегодня
 По философии! — Вперед!
 — Постой, а пустят? — Вход свободный!
 — Вперед!... Народ за нами прет:
 Как гномы, сгорбленные, мохнаты,
 Идут научные магнаты,
 Творя приветствий ритуал.
 Подобно стынувшим планетам,
 Сияя отраженным светом,
 Идет толпою их вассал.
 Гербами в ромбиках сверкая,
 Специалистов юных рать
 Идет скандала поджидать.
 Идет и поросль молодая,
 Наш брат студент. Мы смотрим вниз,
 Где все светила собрались:

36*

Акулов, тензора создатель,
 Делец, а с виду Арлекин;
 Леднёв, столпов ниспровергатель,
 Тридцатилетний вундеркинд;
 Д. Д. — знаток интерпретаций
 Явлений с помощью трёх пальцев;
 Вот Власов, факультетский лев,
 Слепой фанатик буквы f;
 С ним рядом Саввич, спорщик ярый;
 Дурак Н.....в; седой Ильин;
 А вот и памятника сын,
 Встав пред затихшим семинаром,
 Взметаёт вороха старья
 Академически остря...

37*

В те дни, когда на бюст у двери
Садился первый пыли слой,
Науки нашей Гулливеры
Сюда являлись. Здесь порой
Столетов выступал блестящий,
И Тимирязев — настоящий! —
Его послушать приходил.
Вавилов кванты здесь ловил.
И здесь встречали дружбой жаркой
Ленгмюра, Бора, Жолио,
Из наших тоже кой-кого:
Здесь выступал отважный Марков,
Здесь Хайкин курс махистский свой
Прочёл. Здесь и сейчас порой

38*

Сечёт рукою воздух Власов,
Семенченко нам уши рвёт,
И, речь перемежая плясом,
Свой Млодзеевский курс ведёт.
Жуя мочалу, лепет детский
Здесь издаёт Я. П. Терлецкий;
И Соколов ввергает в сон
Тьмой формул; и добряк Самсон
Киём колотит по экрану;
И Тихонов, учёный кот,
Мурлычет; жизни всем даёт
Здесь Рабинович неустанный;
И Иваненко — эрудит
По часу кряду ерундит...

39*

Бывает, здесь идёт экзамен —
И так легко ответ слизать,
Глядя невинными глазами
Экзаменатору в глаза.
Панурги наши, впрочем, бойки,
Неутомимо ставят тройки,
И я — со вздохом сознаюсь —
За лучшим баллом не гонюсь.
Мне мой покой и мил, и дорог,
Я не прельщаюсь суетой,
Как ты, отличник рядовой,
Ты, жалкий раб своих пятёрок!
Пять лет страдай, учи, зубри,
А в госэкзамен схватишь «три»...

40*

Мы отвлеклись в своей прогулке,
А в это время семинар
Не клал на свой язык охулки,
Грозь махизма семенам,
Идеализма пни корчюя...
А впрочем, хватит! Не хочу я
Касаться этих скользких тем...
Скажу лишь вот что: тьму проблем
Гоняли в жарких словопреньях:
Что глуп Эйнштейн, что сволочь Бор,
Что физик — не макроприбор,
А социальное явление;
И, осветив, пошли домой.
А тьма так и осталась тьмой!

32**

Прощаюсь я с пятью годами,
И мне придётся улететь.
Но что ж я так неблагодарен?
Ведь это ты, мой факультет,
Мне указал дорогу к звёздам.
Ты как отец. Меня ты создал,
Дал мир идей, дал слов металл,
Дал мне друзей, врагов мне дал,
К науке утвердил доверье,
К сплетенью счастья и тревог, —
А я в ответ коплю плевков,
А я готовлюсь хлопнуть дверью.
Откуда ж горечь-то во мне,
Что так и просится вовне?

33**

Чем больше ждёшь, чем веришь крепче,
Тем ярче вскрывшийся обман;
Тем горше с истиною встреча,
Чем гуще был любви туман;
Кто жить не хочет травоядно,
Тот не прощает Солнцу пятна,
Кто сам не изолгался сплошь,
Простить не смеет другу ложь.
Прощу ль тебе я, Alma mater,
Позор паденья твоего,
Имён бездарных торжество,
Идейной стирки ароматы
И улюлюканье расправ
Над тем, кто честен, смел и прав?

Глава третья
ВЕЧЕРИНКАg_{иv} да g^{иv}, а о водке ни полслова.*Денис Давыдов*Я был свидетель умилённый
Твоих студенческих забав.*А. Пушкин*

1

Куда ж пропал с утра Стромынкин?
Он счастье сам своё ковал:
Давно уж с дядей без запинки
Он о родне потолковал;
И переход он сделал тонкий
С болезни дядиной печёнки
На свой катар, на свой бюджет —
Что праздник вот, а денег нет;
И, круглой суммою снабжённый,
Давно вернулся он домой
И в бакалее угловой
Давно распорядился оной;
Пиджак поглажен, сам побрит —
На вечеринку он спешит.

2

Идти недолго. Он у цели.
Все, видно, собрались уже:
За дверью голоса ревели,
Ревели песню о «Морже».
Но временами гасло пенье:
Под патефонное сипенье
Усердных ног нестройный шарк
Порой все звуки заглушал.
Герой вошёл и грудь расправил:
— Приветик! Можно не вставать!
Ему в ответ: — Оштрафовать!
— Критиковать! Он ждать заставил!
— Налей большой, пусть пьёт до дна!
— Да он ещё принёс вина!

3

— Как жизнь, Иринка? Здравствуй, Тоня!
И жмёт он, протерев очки,
Девчат горячие ладони,
Ребятам раздаёт тычки.
Обводит он тревожным взглядом
Бутылки, вставшие парадом

Меж винегретов на столе.
Считает... На его челе
Мелькнуло удовлетворенье,
Как свет из тучи грозовой.
Вступил он в общий разговор,
То в танец пустится, то в пенье.
Смешит других — смеётся сам.
И — то и дело — взор к часам.

4

Близки заветные минуты.
Сигнал за стол садиться дан.
И мы кой-как к нему приткнуты:
Торчком поставлен чемодан,
Сидим на койке, на кушетке,
Плечом к плечу, сосед к соседке.
Глотнув внезапную слюну,
Глядим на сыр, на ветчину.
И пробок трепетную мякоть
Спешит пронзить витой металл,
И об алкающий бокал
Бутылка начинает звякать.
И, вторя ей, куранты бьют,
И все в волнении встают.

5

Вдруг тихо... Лишь одни стаканы...
Куранты бьют последний раз, —
И властный голос Левитана
Поздравил с Новым годом нас...
...Старухе, влезшей на полати,
Невесте в подвенечном платье,
Бутузу, маленьким шажком
Под стол забредшему пешком,
Двукратному лауреату,
Дрожащим нищим на мосту,
И постовому на посту,
И хулигану, и солдату,
Что в самоволку убежал, —
Всем диктор счастья пожелал.

6.

Вот здесь и грянул тост за тостом,
Плотина словно прорвалась:
За счастье, за девчат — и просто
За то, чтоб не в последний раз.
Подспорье в дружеской беседе,
С тарелок исчезают сельди,
Сыр, хлеб, колбасы, винегрет...

И вот уж, хмелем подогрет,
Заводит разговор интимный
Сосед с соседкою своей.
На вечеринке всё шумней.
Гремит «Моржа» подобно гимну...
«На бал!» — вдруг кто-то закричал,
И все — горохом — в клуб, на бал!

Глава четвёртая БАЛ

Родит же, чёрт возьми, родит
Земля подобных Афродит.

1

А на балу-то — духотища,
Аж воздух сиз под потолком.
Зал тесен, а народу тыща;
Всем жарко, каждый под хмельком.
Кто ни войдёт, тот так и ахнет:
«Как, братцы, шибко Русью пахнет!»
Толпа стоит сплошной стеной.
Мотив раздастся разбитной
Из радиольной хриплой пасти, —
Заколыхается стена,
Придёт в движение она,
Потом рассыплется на части;
И никого здесь не дивит
Ни спёртый дух, ни мрачный вид.

2

.....
.....

3

Среди толпы стояла ёлка —
Вся в электрических цепях,
В хлопушках, в вате, звёзд осколках,
Как хвост собачий, вся в репьях —
Источник воздуха лесного,
Торжеств рождественских основа.
Кругом ходили сторожа,
От разграбленья сторожа.
А на орбитах отдалённых
Вокруг центрального ядра
Вращались пары до утра,
Мелькая, словно электроны,
Своими спинами двумя
И каблуками в такт гремя.

4

Как электроны, мчались пары
Меж амплитудных облаков, —
Летели девушки и парни
И не жалели каблуков.
В подвальном клубе на Стромынке
Студент весёлые поминки
По году прошлому справлял.
И я там был, и я гулял.
Гулял, не мудрствуя лукаво.
То в одиночку, сам с собой,
То в паре был, а то гурьбой, —
Куда веселье увлекало,
Туда и я, как колобок,
Катился, прост и неглубок.

5

Стоял там молодой учёный —
Сейчас я, кажется, сострою, —
Задумчивый и погружённый
В себя (сквозь левую ноздрю).
Вся в шпурах, вся в функционалах,
Вся сплошь из бесконечно малых —
Такою жизнь пред ним текла,
Без человеческого тепла
И дум неясного броженья.
Он цифры знал, не зная слов.
Он не мечтал, не видел снов
И был лишён воображенья —
Сухарь от темени до пят,
В ком разум жив, а чувства спят.

6

Он открывал природы тайны,
В глаза природы не выдав.
Брал интегралы моментально,
Всё объяснить спешил стремглав.
Он был упрямый и отважный
Сторонник физики бумажной.
Простим ему подобный грех!
С чего ему быть лучше всех?
Сейчас у нас не век атомный,
Не век ракет, не век пластмасс —
Бумажный век царит у нас.
В бумажном паводке огромном
Захлёбывается с тоской
Воспрявший было род людской.

7

Сюда пришёл перед защитой
Дипломной занятый студент, —
Не раз в зачётных битвах битый,
Небитых двух эквивалент.
Перед завкафедрой маститым,
Перед профессорским синклитом,
Скоплением лысин и морщин,
Забывших звание мужчин,
Перед усердным оппонентом,
Припасшим яду для атак,
Да пред зевающей в кулак
Своею бражкой — студентом
Он должен был дней через пять
Свою работу защищать.

8

В его тетради, в томной неге,
Лежал, свернувшись, интеграл.
Все буквы с α до ω
Туда он, изловчась, загнал.
Еврейских, греческих, французских —
Всех букв хватало, кроме русских.
Лишь кой-где было вкраплено
«Итак», «имеем», «пусть» и «но».
Но этой формул длинной лентой
Он пренебрёг под Новый год.
Его в молекул хоровод,
Соединённых двухвалентно,
В движений тепловых хаос —
В толпу танцоров вальс занёс.

9

И, встав передохнуть у стенки,
О смысле жизни старый спор
Вели подружки, две студентки:
«Скажи, ну до каких же пор!..
Ведь все студенты нашей группы
Пристойны, холодны, как трупы.
В нас видят лишь своих друзей.
Им ничего, а ты старей
Да блекни, да не спи ночами.
Болит от книжек голова,
А мне ведь скоро двадцать два,
Уже полжизни за плечами,
А что я видела пока?..
Учиться — долго, жизнь — кратка».

10

Подруга утешала мрачно:
«Женитьба тоже не сладка.
Пусть даже любишь ты удачно,
Но если видишь, что близка
К своим стремлений завершенью,
Что счастья стала ты мишенью,
То всё равно — беги бегом,
Сопrotивляйся, как мегом.
Не тяготей к путям избитым.
Подумай над своей судьбой
И лучше будь сама собой.
Не подмени науку бытом.
Представь семейный свой уклад,
Когда в повестке дня стоят

11

Не измерение альбедо,
Не защемлённая консоль,
А варка кофе и обеда
И стирка... этих их... кальсон...
Глядишь — и курс наук зачёркнут,
И вместо сессии зачётной
Семейной жизни тянешь гуж.
А уж к тому ж жена и муж
По разным комнатам ютятся;
Встречаются лишь днём; двоим
Уединиться негде им;
А дети, как на грех, рождаются,
Напоминая всем спроста
Факт появления Христа».

12

...Они дружили дружбой давней,
А были разные совсем.
Что дружба? Если есть нужда в ней,
То подойдёт любой сосед.
Одна — науку грызть устала,
Она того...она мечтала
Со счастьем вытащить билет
И жить без мыслей и без бед.
А у другой был голос грубый,
Спортсменки стать, цветущий вид.
И головой не инвалид.
Но инвалидом пятой группы
Прозвать пришлось её друзьям:
В анкете был у ней изъян.

13

Я знаю — *verbum est argentum*,
Но так и рвётся изо рта
Рассказ о том, как по анкетам
Людей мы делим на сорта.
Дурак я вырос ли, невежа ль, —
Но если за границей не жил
И нет там у меня друзей,
И по рождению не еврей,
Не исключался, не судился
Ни я, ни дети, ни жена,
И тётка прав не лишена,
И брат в плену не находился, —
Тогда гожусь я в первый сорт,
Могу достичь любых высот.

14

Она ж, предмет второго сорта,
Знать не желала свой шесток,
Не занялась продажей сока,
И не пошла служить в Мосторг, —
Что для людей с таким недугом
Слывёт законным жизни кругом,
А шла в науку. Скольких сил
И выдержки тот путь просил!
Мир, отведённый ей, был тесен,
Как гетто в средние века, —
Без слов родного языка,
Без книг, без музыки, без песен, —
И отверженьем заклеимён
В свободном обществе племён.

15

...Брюнет в мазурке вёл дивчину.
Его отец был чаевод
И слал на пропитанье сыну
Две тыщи в месяц, двадцать в год.
А сын, развратник и бездельник,
По целым дням сидел без денег,
Тоску сгоняя коньяком.
Но в положении таком
Он не терял минут напрасных:
Про наше дивное житьё
Писал статью он за статьёй,
Чтоб их в газету дать на праздник.
В них он писал, что без забот
Живёт студенческий народ.

16

Что лишь на сцене оперетты
Студентов нищих и видать,
Что мыслью мы одной согреты —
Все силы Родине отдать,
Что мы стремимся к знаниям прочным...
...Он фраз таких полки построчно
Выстраивал, как генерал,
Сравниванием на гонорар.
Но в развлеченческом масштабе
Был он умельцем хоть куда:
Прост, обаятелен всегда,
Глазами жгуч, душой похабен;
Блистал на пьянках тамадой,
Как бог ахейцев молодой.

17

Литературный критик громко
В углу писателей хулил.
Он слыл Белинского потомком,
Хотя на самом деле был
Ценителем макулатуры,
Душителем литературы
И осквернителем могил.
Он литры перевёл чернил
На то, что критикой обычно
Зовут (а век назад звалось
Прямым названием — «донос»)
И в книгах он искал привычно
Не правды жизни, а идей,
Стахановцев, а не людей.

18

Такой подход влиял на многих.
...В тот год был сильный недород;
Сдав госпоставки и налоги,
Колхозы чахли. Гибнул скот,
Крестьяне в город разбегались...
...Писатели ж соревновались
В том, кто опишет горячей
Жизнь эскимосов и чукчей,
Культурность их, пристрастие к школам,
Их косторезов ремесло.
Да, чукчам больше повезло,
Чем вымершим молдавским сёлам,
Грузинским вымерзшим садам,
Вокруг Полтавы хуторам,

19

Чем нам с тобой везёт, мой друже:
Ведь нас, по книжкам судя, нет!
Хоть раз ты в книге обнаружил
Таких, как ты да твой сосед?
Отнюдь! Изящная словесность
Нас обрекла на неизвестность:
Раз мы не передовики —
Не стоим мы её руки.
Она стремится к идеалам,
И возбудить её восторг
Способен разве лишь парторг.
Куда уж нам, обычным малым!
А дать по роже подлецу
Ей, право, просто не к лицу.

20

Представь далёкого потомка.
Что в книгах он о нас прочтёт?
Узнает правду ли о том, как
Любой из нас сейчас живёт,
Как ест, болеет, шутит, плачет?
Словесность всё переиначит.
И, веря ей, потомок наш,
О нас такой ты отзыв дашь:
«На фестивалях всё плясали,
Вели строительство дворцов,
Крепили фронт за мир борцов
Да рапорты вождю писали!
Не люди — львы! орлы! киты!»
Не верь! Мы — люди, как и ты.

21

Мы так же верим в мощь прогресса,
А он всё так же бестолков.
Страх смерти прячем за завесу
Того же хлама пустяков.
Когда ж захочется ругаться, —
Все те же языка богатства
И так же много медных лбов.
Та ж чистота, и та ж любовь,
И те ж святые, те ж мерзавцы.
В ходу идейный абордаж,
И нетерпимость в мире та ж,
А вместо счастья — те ж эрзацы,
И честолубий та ж игра,
И то же завтра, что вчера...

22

...Ублюдок плановой системы,
Скользил здесь спекулянт и хват,
Уменьем проникать сквозь стены
Напоминавший γ -квант.
Что не достать по магазинам —
Лишь пальцем шевельнув мизинным,
Он враз достанет и продаст.
А рядом с ним, ему в контраст,
Сиял китаец взглядом чистым.
Как комсомольцы первых лет,
Он в Маркса верой был согрет.
Худой, как пальцы пианиста,
Прямой, как строчка дневника,
Не знал он веры в полнакал.

23

Не поддаваясь вражьи козням,
Повсюду свой таящим меч,
Хотел он вновь гореньем поздним
Светильник гаснувший возжечь.
Наш мир он сравнивал с каверной,
Наполненной всякой скверной,
И с хирургическим ножом
Готов был лезть он на рожон.
Но дядя Сам ловушки ставил...
Ох, эти происки врага!
Свои показывал рога
Со всех углов заморский дьявол.
Был дух его и там и сям —
Везде таился дядя Сам...

24

Тот дядя Сам то напивался
И песни глупые вопил,
То нас кружил под звуки вальса,
То у буфета пиво пил.
Под дудку империалистов
Он рок-н-ролл плясал, неистов,
Эксплуатируемых масс
Проклятья заглушить стремясь,
Идейки протащить пытаясь
И нанести стараясь вред.
.....
.....
.....
.....

25

Стоял здесь бодрый, всех надменной,
Идей новейших проводник.
В идейной стирке, в грязной пене,
Как Афродита, он возник
И всплыл наверх дерьмом плавучим...
...В те дни звучал, как гром из тучи,
Как духовых оркестров медь,
Приказ: «Патронов не жалеть!»
И он не пожалел патрона,
Сказав, что тот — космополит,
И что патриотизм велит
Быть с таковыми непреклонным,
И что патрон, как дважды два, —
Иван, не помнящий родства...

26

Шеф пал, подстреленный, как утка,
Своим питомцем в пять минут:
Был парень чист от предрассудка,
Что люди совестью зовут;
Из молодых он был, да ранний;
Затем, не пожалев стараний, —
Где крокодилом, где хорьком —
Успешно переполз в горком.
И был готов арапом наглым,
Опять ВПЕРЕД и ВЫШЕ лезть
На двух коньках: нахрап и лезть.
Друзей, врагов считал он тяглом,
На спинах чьих, горласт, мордаст,
Он коммунизм себе создаст.

27

Он мог бы, в чаяньи награды,
Загнать безвинного под суд,
Взвести абсурд до чина правды
И право превратить в абсурд,
А в урожаях весьма низких
Винить учёных вейсманистских,
Крестьян оставив без порток, —
Венец творения, итог
Развития сталинской эпохи,
Когда молчали все края
И жизни жаркая струя
Застыла, как литье в опоке, —
Лишь рабский труд и ханжество
Своё справляли торжество.

28

Приспособление, учит Дарвин, —
Всеобщий жизненный закон,
И Чарльзу каждый благодарен,
Кто с нашим временем знаком.
Мы приспособиться сумели
К движению к великой цели:
Колхоз — к доходам нулевым,
Официанты — к чаевым,
К своим постам, к машине личной —
Номенклатурное лицо,
Вожди — к обилию льстецов,
Народ — к обилию «Столичной»,
К потёмкам — мысль, к сиропам — вкус
И к ленинизму — «Краткий курс».

29

Наш мозг и нынче — крематорий
Идей, отравленных враньём,
Когда ж покончим с дремотою,
Наследьем сталинских времён?
Живём в себе мы, как улитки.
Заветов ленинских реликты —
Горенье, правда, простота —
Их слой наносов растоптал.
Нет веры в то, о чём мечталось,
За что отцами кровь лилась,
И не задор в груди у нас,
А равнодушие, усталость;
Лишь по субботам — мат да визг.
«На всё плевать!» — вот наш девиз...

30

...Держал нос по ветру философ.
Он, доктор флюгерных наук,
Смотря какой в ходу был лозунг,
Метался с севера на юг.
Собой отвратен был философ:
Застыл среди ресниц белёсых,
За ледяной бронёй очков
Недвижный взгляд пустых зрачков.
Был безголос он, как Утёсов,
И профессионально глух.
Из чувств — один лишь только нюх
Имел описанный философ.
Сознание заменив чутьём,
Он жил отличным бытиём.

31

«Не слишком много ль чёрной краски? —
Швырнёт читатель мне упрёк. —
А где же светлые участки,
Зачем их в дело я не впряг?
Где те, чей лик умыт и светел?
Слонов-то автор не приметил!
Не захотел сыскать алмаз
Среди общественных гримас!»
Отвечу я, слезу размазав
По огорчённому лицу:
«Мне, к сожаленью, не к лицу
Мундир добытчика алмазов, —
И так их много развелось, —
Кому ж тогда таскать навоз!?»

32

...Здесь был уроками живущий
Голодный вечно фронтовик,
На бой за знания идущий,
Как на врага идти привык...
В тот вечер, влюбчив и доверчив,
Он, точно смерчем, был заверчен
Девичьей ветреной красой,
Опутан пепельной косой.
Весь зал собою потешая,
Он не сводил с любимой глаз...
...Здесь веселился горный ас,
Знаток Кавказа и Тянь-Шаня,
Нашедший в диком том краю
Вторую родину свою.

33

Он знал, он ведал, что такое
Высот восторг, небес простор,
Уступ, дрожащий под рукою,
И склон, где снег скользит пластом,
Усталость до седьмого пота —
И ощущение полёта,
Когда рюкзак снимаешь с плеч,
Ручьёв журчанье, речек речь
И грозных трещин ледниковых
Бездонная голубизна.
И песен множество он знал —
Бесстыдных, грустных, бестолковых —
И стук зубовных кастаньет,
Когда ночуешь на стене,

34

Когда все песни перепеты,
Все шутки произнесены,
А расстоянье до рассвета —
Как расстоянье до Луны.
Он не искал почёта, выгод —
Искал для силы духа выход
И дружбы, что прочнее скал, —
И здесь нашёл он, что искал.
Собой облезлый, некрасивый,
Носатый, словно пеликан,
Сердца друзей он привлекал
Той непосредственности силой,
Той чувств прозрачностью до дна,
Что, скажем, в Робсоне видна...

35

.....
.....

36

Была здесь Трифонова Нина, —
На миг дыханье ей верну! —
Которая меня пленила,
И было сладко в том плену.
Девчонка с Южного Урала,
Она меня завоевала
Своей прекрасной простотой,
Своей уральской красотой.
По улочкам преображенским
И по Матросской Тишине
Мы с ней скитались в тишине,
Бродя в задумчивом блаженстве...
Какой же мир, какая ж тишь
Среди могил, где ты лежишь!

Глава пятая
ИРИНА

Учиться, учиться и учиться.

Н. Хрущёв

1

Есть (я знакомлю вас с Ириной),
Есть на Козихе, за прудом
Доходный дом один старинный
Во весь квартал... Огромный дом,
Кирпично-красные каюты.
Тут без претензий, без уюта
Студенты жили издавна.
Потом сменились времена.
Вселились прочно в эти кельи
Врачи, работники пера,
Певцы, портнихи, шофера,
Рантье, пространщики, лакеи,
Проводники, учителя,
Три метра на душу деля.

2

Был Ирин предок педагогом.
Здесь он и жил, уча детей
Местоименьям и предлогам
Лет двадцать кряду. А затем
Зимой тридцать седьмого года
Объявлен был врагом народа,
Приговорён к восьми годам,
Отправился на Магадан,
Там отбыл срок. Когда ж, без гроша,
В лохмотьях, он спешил зимой
На крыше спального домой, —
В борьбе за место наземь сброшен
Был на ходу пинком ноги —
И под колёсами погиб.

3

Сквозь свежих истин лабиринты
Всплывут, бывает, по ночам
Воспоминанья у Иринки —
Как на неё отец ворчал,
Как шлёпал и водил на ёлку.
Рассказы вспомнит про маёвку,
Про суд, про ссылку, про Сибирь,
Как друг в побеге подсобил
И как отца, когда казачий
Разоружали эшелон,
Снаряд контузил тяжело,
Как выжил, в школу был назначен,
И напоследок мозг разит
НКВД ночной визит,

4

Отца слова: «Ну, что ж, берите...»
Как лай, короткий мамин вскрик.
...Блуждает Ира в лабиринте,
А выход заперт, выход скрыт,
Никак не сыщет нужной двери,
А и найдёт, так не поверит.
Ей солнце застит кривды чад.
Призывы власти же звучат
Парадно, живо и речисто.
Их ей не вынести парад:
Прошла невинности пора.
Отвратно, лживо и нечисто
Их прежний выглядит престиж:
Потери веры — не простишь!

5

А утром, смотришь, без натуги
Ночной кошмар уже забыт:
Не тронута нутро натуры
У Иры ржавчиной обид.
Давай смеяться, петь и стряпать,
Чертить, сдавать «Основы» на пять,
Бельё стирать, стихи учить,
В бюро скучать, коньки точить —
Не девушка, а воплощенье
Мечты новейшего вождя:
Зубрит усердно, в вуз придя,
И не вдаётся в размышленья:
«Куда ведут? Какой ценой?
И не короче ль путь иной?»

6

Красноречив новейший зодчий,
Когда — собрание случись —
В пылу заботливости отчей
Твердит: «Учись, учись, учись!
И зря в политику не суйся!
Не для того свои ресурсы
Тебе даёт рабочий класс,
Чтоб ты плевал в иконостас
И раздражал больших сагибов,
Чтоб изошрял свой интеллект
На протяженьи пяти лет
Среди уклонов и загибов,
Среди нетоптанных дорог.
Стране не нужен демагог!»

7

И всё же мы встаём с коленей.
Мы не трезвоним, не кричим,
А ищем смысла у явлений
И связи следствий и причин.
Клеймят нас кличкой демагога,
Сулят казённую дорогу,
Но как плечами не пожать:
«Довольно нас уж пужать!
Отец, отец, оставь угрозы,
Они, ей-право, невпопад.
Ведь юность — не гомеопат,
Не делит истину на дозы.
Пусть глупо лезть нам на рожны,
Но правду всю мы знать должны».

8

Вполне лояльная по виду,
Ирина пережечь смогла
Изжогу собственной обиды
На жажду общего тепла.
Смеясь над властью Гименея,
Лишь к правде страстью пламенея,
Она ценила у ребят
Критический и трезвый взгляд.
И оттого-то так внимала
Потоку Жениных острот,
И этот умственный фокстрот
Не тяготил её нимало,
Как тяготил других порой
Своей бенгальскою игрой.

9

Он ей казался страшно смелым:
За словом он в карман не лез.
(А между фразами и делом
У нас исчез дремучий лес.
В начале мира было слово,
Оно ж — всех наших дел основа.
А делу — только и делов,
Что фактом быть в поддержку слов.)
Когда с безнравственной ухмылкой
Всё то, что свято, он чернил,
Она шептала: «Как он мил!
Как он умён! Какой он пылкий!
Как тяжело взирать ему
На окружающую тьму!»

10

Лицом она была приятна
И с тальей тонкой, как струна,
Как кошка белая, опрятна,
Как математика, стройна.
Чуть вздёрнут нос, в глазах смешинки,
А губы — словно две снежинки,
Как два несмятых лепестка
Полураскрытого цветка.
И в эту ночь, среди сверканья
Полупритушенных огней,
Был шарф сиреневый на ней
И платье из легчайшей ткани —
Тот сорт, в котором на просвет
Весь виден тела силуэт.

11

Евгений — мы уже сказали —
С девчонками молчать привык.
Но в этот вечер, в этом зале
Обрёл внезапно он язык,
Он даже увлекаться начал,
О бале, о гостях судача.
Желчь разлилась в нём. Впал он в раж.
А всё C_2H_5OH —
Затейник многомиллионный,
Замена фильмов и газет,
Могучий вклад в страны бюджет.
Молод, парами вдохновлённый,
Евгений перец эпиграмм
(И мне отсыпал с килограмм).

12

...И вот танцуют Женя с Ирой.
В полупространстве взор застыл.
Мелькают — успевай, фиксируй —
Улыбки, стенгазет листы,
Усы, философы, погоны,
Медали, лысины, колонны,
Китайцы, клипсы, кисея,
У стойки с пивом толчея,
Причёски модные тарзаньи,
Плафоны, шеи, жемчуга,
Семиты из Кременчуга
И самородки из Рязани...
Смолкал и снова лязгал джаз, —
Они не слышали, кружась.

13

Гляжу я — мой герой растерян,
В нём что-то новое горит.
Уже не треплет про гостей он,
А комплименты говорит.
Как будто струйками озона,
Как будто закисью азота
Его внезапно обдало —
Тревожно сделалось, светло.
Смело барьер. И сразу стали,
Как речи, руки их смелы,
Как руки, взор они сплели,
Как взоры, речи их блистали.
Так пролетел, должно быть, час,
В угаре увлечения мчась.

14

Но есть недуг, которым болен
Класс образованных людей,
Кто лишь по книжкам — в вузе, в школе —
Искусством жизни овладел.
Мы импотентны к чувствам свежим,
На компоненты мы их режем.
Мы вспомним, глядя в потолок,
Страстей подробный каталог,
Намёк на страсть едва учуяв,
Смекнём: «Откуда вдруг она?
И кстати ль? И на что годна?»
Как негра, мы её линчуем
И неразменный рубль души
Шутя меняем на гроши.

15

Кто так, по-книжному, воспитан,
Тот поневоле Арлекин.
Из лоскутков себя кроит он,
На каждый клея ярлыки.
Не ступит шага по-простому —
Всё по Руссо, всё по Толстому.
Полсотней слов определив
Любой сердечный перелив,
О чувствах судит он умело.
Хоть самому-то, может быть,
И не придётся полюбить,
Но помнит, как любил Ромео.
Не знает счастья жить сплеча.
Вполсилы радость и печаль.

16

Нет, как бы вы ни распинаясь
О пользе мозговых фибрилл,
Всё разъедающий анализ
Вреда немало натворил.
Вот и сейчас! В мозгу у Жени
Нейронов началось движение,
Заволновалась кора:
«Гляди! Любовная игра!
А с кем? Что в Ире есть? Немного:
Смешлива, сдержанна, нежна —
Такая ли тебе нужна?
Прикинь!» И под пустым предложением
Расставшись с девушкой своей,
Евгений вышел из фойе.

17

Ушёл. Исчез. Во тьме он скрылся.
Лишь еле слышно снег хрустел.
Весь свет пред Ирою затмился.
Ночного бала карусель
Скучна ей стала и противна.
И вальс, и пути серпантина,
Оскалы лиц, шуршащий шёлк —
Ах, ах, к чему? Ведь он ушёл...
И мысли ею овладели —
Уйти самой. Скорей уйти
От джаза, масок, конфетти,
Скорей забыться сном в постели,
Забыть и взгляд его, и речь...
Скорей в постель! Скорее лечь!..

18

...Высоко над двора квадратом
Шло продвижение светил.
И месяц дворником завзятым
Меж них порядок наводил.
Кого зажжёт, кого потушит,
Кого сомнёт своею тушей,
Кому, свою превысив власть,
В сердцах велит с небес упасть.
Как светлячки с болот полесских,
Как символ счастья — семь слонят,
В плену планет плыл плот Плеяд,
Сплошь в млечной пыли, в бледном блеске.
Вздыхнул Евгений: «Хорошо!
Как хорошо, ... что я ушёл!»

19

Вот только Иру я обидел...
 Пойду-ка спать... Да нет... Постой...
 Какая ночь!.. Гляди... Юпитер
 Перемигнулся со звездой...
 Вот шёпот слышится снежинок...
 Вот на ноге моей ботинок
 Ведёт с коллегой перескрип...
 Вот шепчутся верхушки лип...
 Но почему ж и я с Ириной
 Не мог вот так всю ночь провести:
 Низать намёки, шутки, лести
 Одной цепочкой, длинной-длинной...
 Ей руку жать, ответа ждать...
 Вернуться, что ли, наверстать?..»

20

Линял, линял под звёздным ливнем
 Острия до кончиков волос.
 Иные чувства завелись в нём,
 Безверье старое рвалось...
 Впервые ум, к смешному чуткий,
 Не отозвался новой шуткой,
 Когда, оборотясь назад,
 Он повстречал её глаза.
 Она была в своём наряде, —
 С рукою, вдруг прикрывшей грудь,
 С лицом, испуганным чуть-чуть, —
 Подобна сказочной наяде...
 Что было дальше, умолчу:
 Мне лирика не по плечу!

Глава шестая ВЕСНА

Энтропия мира стремится к максимуму.

Вредное высказывание

Энергия не создаётся и не уничтожается, а лишь переходит из одной формулы в другую в равных количествах.

Ответ школьницы на экзаменах

1

День стал длинней, а солнце выше.
 Снег жух. Дымок со стен парил.
 Немытый март, зевая, вышел,
 Весне ворота отворил.
 В панель ударил гром капли.
 На чердаках коты запели.
 Звеня, летят сосульки с крыш.
 Челнок в ручей пустил малыш.
 Сверкают лужи и витрины.
 Не усидишь никак в дому.
 Ведь полушарию всему
 Весна устроила смотрины,
 Решив: «Вступаю в новый брак!
 Мир хоть и кругл, а не дурак.

2

Конечно, стар, живёт по-свински,
 Но мне своим упорством мил.
 Ему уже покорней сфинксы
 В природе затаённых сил.
 Добыл он электронный разум.
 Чумную выветрил заразу.

3

С той ночи протекли недели.
 Переменился мой герой, —
 Ведь чувства в нём не охладели.
 Теперь с обычной частотой
 В один и три десятых герца
 Не бьется у героя сердце —
 Повыше герцев на полста
 Отныне сердца частота.
 Как камень, тяжелы, весомы,
 Владеют страсти им. Они
 Запретны (словно в наши дни
 Аллели, гены, хромосомы),
 Сгущают кровь, туманят мозг,
 А волю превращают в воск.

4

Теперь ему не до учёбы,
Хоть сессия — рукой подать.
Всё ищет он предлогов, чтобы
Свою Ирину повидать.
То книжку у неё попросит,
То, смотришь, словно невзначай
Её у входа повстречал.
То, формул-де не понимая,
Как распоследний дуралей,
Учить с ней сядет в параллель —
И спинку стула обнимает,
Мечтая о её плечах.
Любовь — всех дел его рычаг.

5

Он ходит с ней в кино, в концерты.
Его я даже уличил,
Что в ресторан однажды в центре
Он с нею как-то заскочил.
Но он взглянул на цвет столицы,
Сюда пришедшей веселиться,
На дармоедов молодых,
На офицеров испитых,
Недоучившихся артисток,
Которым только и забот,
Что сделать вовремя аборт,
На кучу личностей нечистых —
Эпохи третий эшелон,
Отплюнулся — и вышел вон.

6

Ведёт пред Ирой он парадом
Заветный строй своей души.
Любовь к язвительным тирадам
В себе он сходу потушил.
Лиричный ходит он, весенний —
Типичный стал Сергей Есенин,
И даже к двери кабака
Его порой влечёт слегка, —
Когда невысказанной страстью
Евгений больно уж томим,
И сердце тянется к другим
Словам, чем «ну», «пока» и «здрасьте».
И я, живя с ним, подмечал:
Он спать стал плохо по ночам.

7

У Иры тоже масса хлопот.
Она в любовь вовлечена.
И, как свидетельствует опыт,
Растёт любви величина.
Она под Жениным конвоем
Охотно ходит. И освоен
Успешно ею целый ряд
Коронных Жениных тирад
Про партию, про бюрократов.
Но что за вздор? Пропал, исчез
К подобным темам интерес,
А ждёт она любовных клятв.
Кладёт на Ирины мозги
Любовь последние мазки.

8

Но клятв не слышно. С виду Женья
Доброжелательно шутив.
Внутри ж его просты движенья:
Прилив — отлив, прилив — отлив.
То чувств нескромных вереница
В душе взволнованной теснится,
А он, слепой, за их толпой
Крадётся скользкою тропой.
То созывает новый пленум
Своих желаний и надежд
И вдруг, решителен и свеж,
Пренебрежёт сердечным пленом.
То движется вперёд, то взад.
То против голоснёт, то за.

9

Читатель, нервничать не стоит,
Гляди на дело веселей.
Вся наша жизнь из синусоид,
Из асимптотик Бесселей.
Всё переменно. Вещь любая
Испытывает колебанья:
И напряжение в сети,
И смысл передовой статьи...
Земля с прецессией вертится.
Блуждает азимут пути,
Которым сказано идти.
И даже мелкие частицы, —
На что уж свойствами бедны, —
И те имеют вид волны.

10

Нас колебанья всех тревожат,
Никак мы их не сокрушим.
Я перешёл недавно тоже
На колебательный режим.
Брожу в сомнении туманном:
Что делать с Женей и романом?
Хоть до конца рукой подать,
Но как его, конец, подать?
Колеблюсь, словно на рессоре:
Куда тянуть поэмы нить?
Рассорить их или женить?
Час неровён, как раз рассоришь, —
А уж не дашь обратный ход,
И энтропия возрастёт.

11

«В волненьях мировой стихии
Один закон неотвратим —
Закон о росте энтропии,
Когда процесс необратим,
Когда поступка не исправишь,
Назад вернуться не заставишь.
А смысл энтропии прост:
Её неудержимый рост
Есть девальвация природы.
У ней, проклятой, цель одна:
Событья исчерпать до дна,
На тепловые переходы
Сведя и в смерти растворив
Вселенной творческий порыв.

12

Борись со смертью тепловою,
Необратимо не решай.
Сперва раскинь-ка головою,
И лишь раскинув, — совершай».
Так думал я однажды в мае,
Когда, финал изобретая,
Бродил, бездарный, как Сурков.
Фотогеничных облаков
Ватаги плавали, белея.
И небо мая над Москвой
Напоминало синевой,
Что справедлив закон Рэлея.
Но тут небесный горновой
Закрыв источник огневой,

13

И подползла с востока темень
И облака приволокла,
И, словно искру высек кремь,
И, словно нож из-за угла,
Ударил дождь. И дружно грянул
На город град округлых гранул,
И ахнул, граждан поразив,
Грозы разбойничий призыв.
Я спешно скрылся от стихии
В подъезд стромынский боковой.
И вдруг, приткнувшись в таковой,
Услышал я слова глухие.
Я замер... Всё жарчей, жарчей
Журчал в ночи речей ручей.

14

Монолог Евгения

«Вновь солнце рыжим тараканом
Сползло по стенке голубой, —
И день прошёл, как в воду канул.
А я опять молчал с тобой.
Листва любит росою —
Так каждый миг твоей красою
Любуюсь я, и не хочу
Спугнуть тебя, и вот — молчу.
И улиц шум, и тишь читален
Я в мысли о тебе одел,
Наполнил о тебе мечтами
Свой каждый шаг и каждый день.
И средь занятий, средь забот,
Средь книг и формул — чуть помешкай,
Чуть оторвись — и враз встаёт
Твоё лицо, твоя усмешка
И взрывы смеха твоего,
И строй обдуманной причёски,
И голосок твой боевой,
И интонаций отголоски...»

(Илья Пророк хватил по туче.
И я промок. И град поштучно
Просыпался. И ветер жал.
А Женя дальше речь держал.)

«...С тех пор, как побывали мы
В гостях у ночи и зимы, —
Я не могу. Я брежу ими —
Глазами ясными твоими,

Твоей тяжёлою причёской,
Всей красотой твоею броской...
...Улыбка в тонких губ концах
Едва заметная тaitся —
И вдруг вспорхнёт, как будто птица,
И заиграет, заискритса
На каждом мускуле лица.
И я за грацией ленивой,
Спокойным взглядом милых глаз
Угадываю ту же живость,
Что и в улыбке прорвалась.
Идёт взлетать твоим ресницам,
Твоим зрачкам идёт дрожать.
Тебе ж самой — мне ночью сниться,
Дневную явь опережать.
И больше воли укрепленьем
Я заниматься не могу,
В необходимом отдалении
Держась на каждом на шагу...»

(Так Женя говорил невесте.
А я стоял, таясь, в подъезде.
А дождь по Яузе плясал,
А ливень молнии кресал...)

«...Какой отравой опоила?
В какую чашу завела?
Каким пожаром опалила,
Сжигая прошлое дотла?
Я думал, что, привычки ради,
Сумею тот огонь задуть,
Что выйду я на прежний путь,
Что отыщу противоядьё,
Но стоит мне поймать при встрече
В руки пожатьё, в блеске глаз
Тень слабую возможных ласк,
Любви желанное наречье, —
И вновь гремят её раскаты,
Опять я пью её озон,
Опять я вижу, что близка ты,
Что длится мой нежданный сон,
Что мерю страсть я веской мерой,
Что верю в счастье детской верой

И не хочу искать иного:
На одного и так мне много,
Давай разделим на двоих», —
Воскликнул горячо жених.
Потом помедлил и добавил:
«Дели же! Всё в руках твоих:
Свершение моих желаний,
Крушение моих надежд,
Мой поздний взлёт, закат мой ранний,
Сил жизни чувственный мятеж».

15

Прорвало выдержки плотину.
Любовный поезд дал свисток.
Покинув зимнюю квартиру,
Наверх полез любви росток.
Кипит любовная реторта.
Летит любовная моторка.
Мчат, отпустивши конуса,
Любви четыре колеса.
Суля влюблённым непогоду,
Любовный гром покой расторг.
На стратегический простор
Любовный танк прорвался сходу,
Его огонь, его металл
В труху приличья разметал...

16

О ты, весна, Земли царица!
Ты топишь вечные снега,
Заставишь реки ты разлиться,
Залить луга на сотни га.
И небо — нежною пастелью,
Поля — зелёною постелью
Покроешь ты. Швырнёшь в зенит
Ты жаворонка — пусть звенит.
Ты в малой луже отразиться
Заставишь лес и небеса.
Да что там небо! Что леса! —
Смогла заставить ты забиться —
Пусть ненароком, пусть слегка —
Пустое сердце остряка!..

Глава седьмая
ФИНАЛ

Rp.: Sic transit gloria mundi!

А. П. Чехов

Пора кончать точить балясы.
Пора начать сводить балансы.

1

С тех пор немало накрутило,
Немало лет умчалось в тьму.
Наш курс по свету раскатило,
По этому — и по тому.
Кто, движимый гражданским долгом,
Был физиком, а стал парторгом,
Кто пишет ценные труды,
Кто детворе твердит зады;
Иной, посмотришь, вечно взмылен,
Зажат в тисках семейных дел...
Кто безнадежно заболел
Спряmlеньем мозговых извилин...
Кто года через полтора,
Глядишь, проникнет в доктора...

2

И, пряча голову как страус,
Стараюсь не заметить я,
Как подползает к горлу старость,
Венец процесса бытия, —
Когда баланс метаний тяжких
Смерть подытожит на костяшках
И, сбросив разом со счетов,
Промолвит буднично: «Готов!»
И чем ясней финал блужданий,
Чем ближе нулевой предел, —
Тем больше несвершённых дел,
И неисполненных гаданий,
И нерастраченной любви —
Хоть распродажу объяви!..

3

...Меня с высот читатель тащит:
«Где Женя?» — у него вопрос...
Забившись в глушь, в почтовый ящик,
Он с Ирой счастьем там оброс.
Среди болот, глухих таёжин
Почтовый ящик расположен.

Не зря упрятаны в леса
Приземистые корпуса.
На удивленье всей Европе,
На посрамленье всех врагов —
Грядущих атомных веков
Здесь наступление торопят.
Тут, как Суворов на редут,
Атаку на ядро ведут.

4

Как в недрах Солнца раскалённых,
В бездонной темени небес,
Так за оградой стен бетонных
Протонный вихрь кружится здесь.
Тут наш герой с наукой дружит:
Он ей учёным негром служит.
Уже не прежний еретик,
Остепенился он, притих:
Ведь от добра — добра не ищут,
Увяз у птички коготок...
Зимой он ходит на каток,
А летом по болотам рыщет,
Собою кормит комаров,
Покоен, весел и здоров.

5

От воскресенья к воскресенью
Мелькает Женино житьё
Однообразной каруселью.
Он дело делает своё
И, скажем, знать считает лишним,
Что за рекой, в колхозе ближнем,
Тринадцать баб — всего людей.
Его стихия — мир идей.
Но всё ж, различья устраниая
Меж умственной и ручной
Работой, — каждую весной
В колхоз учёных выгоняют.
А что ни осень, то опять
Картошку просят убирать.

6

А в дни осеннего сезона
С соседом вместе и с женой
От скуки и для моциону
Он развивает спорт грибной...
Найдёт и — чик — любовно срежет...
Весь день звучит грибной скрежет,
Валит навалом разный груздь,
И мировая гаснет грусть.
Он рад резвящимся берёзам,
Подушке мха в глуби трясин,
Огню осеннему осин
И облаков бокам белёсым...
И с переполненной сумой,
Устав, едва дойдёт домой.

7

Как большинство своих соседей,
Мечту герой лелеет наш:
Стремясь уверенно к «Победе»,
Он выстроил уже гараж.
Крик детский слышен по посёлку.
Не тратят тут досуг без толку:
Без ухищрений, без затей
Рожают каждый год детей.
Попал в лихие семьянины
И мой герой не без причины —
На днях письмо я получил,
Он к дочке звал на именины.
Sic transit... Впрочем, что латынь;
Нельзя ж быть вечно молодым!

8

Мы допоздна с ним проболтали,
Мы вспоминали дотемна
Про дни учёбы, про батальи,
Про те лихие времена...
Потом он всё сидел и хвастал:
«А речка, речка-то у нас-то!
Каких я в ней ловлю линей —
Поверишь, удочки длинней...
Пошли? Свезёшь в Москву подарок...
Не можешь? Жаль, дружище, жаль!..
Ты на неделе приезжай —
Достали б парочку байдарок...»
И долго он ещё хвалил
Красу лесов, туман долин...

9

Но я, сторонник слова прозы,
Момент удачный улучил —
И на зловерные вопросы
Внимание переключил:
Узнать мне просто захотелось,
Куда его девалась смелость,
Суждений странность, шуток злость...
Что с Женей случилось? В чём тут гвоздь?
«Я попросту, — ответил Женя, —
Витать в эфире перестал,
Расставил вещи по местам
И укротил воображение...
Борьба за правду? За права?..
Прости, но это ведь слова!..

10

К чему народу правды поиск?
Ты видишь ведь, что он устал,
Он хочет жить не беспокоясь,
Что он бы правду освистал,
Что быть глазам приятней в шорах,
Ушам — вставать на каждый шорох,
Сгибаться — шее и спине
И благодарной течь слюне...
Что разменяли мы Коммуну
На телевизоры, постель,
Обильный стол, приём гостей,
Идеологию хромую,
Что спит Минервина сова,
Пред темнотою спасовав...

11

Я твёрдо-натвердо усвоил,
Что, хоть и вижу в жизни зло,
Но в поле я один — не воин.
Что единица — не число.
Повадку — рабью или рыбью —
Один я из людей не выбью.
Кому и что я докажу?
Себе лишь только досажу.
А у меня ведь есть успехи...
Науку двигая свою,
Я больше обществу даю,
Чем тыча пальцами в прорехи.
Я приближаю новый век,
Не разрушая ветхих вех.

12

Подвалы в «Правде» я читаю
И между строчек ворожу:
Почую оттепель — и таю,
Мороз ударит — задрожу.
Порой наткнёшься вновь на пакость,
На миг проснётся прежний пафос,
Но вспомнишь, что ЕЩЁ НЕЛЬЗЯ, —
И никнешь, никого не зля...
Интеллигент новейшей складки, —
Как говорится, трудовой, —
Распоряжаться головой
Я не умею без оглядки:
Я совершенства в том достиг,
Как рассуждать от сих до сих...»

13

«Но это ведь повадка рабья.
Уму границы положив,
Себя по доброй воле грабя,
Ты не живёшь, а полужив!»
«Нет, счастлив я в своём пределе!
Я не на воле, но при деле.
Я не мыслитель, не Сократ,
И для меня важней стократ
Смысл систематики Гелл-Манна
И превращений К⁰,
И квантования полей,
Чем обличение обмана,
В котором жить нам довелось:
Усевшись на кол — не елозь!..»

14

.....
.....

15

...Ну вот, читатель терпеливый,
Пришла пора трубить финал:
Окончен труд мой торопливый...
Пусть ты не раз меня пинал,
Пусть ты готов швырять объедки
В описанные мной объекты,
Пусть я тобой изобличён
В том, что поэма — ни о чём, —
Ты прав, согласен: Женя с Ирой
Служили только мне канвой;
Их отношения — тот конвой,
Который гнал меня по миру,
Зажатого в толпе острот,
В колодках тесных рифм и строф.

16

Но дороги мне эти строки —
Паренья первые круги,
Едва намеченные тропки,
Ещё неясные враги.
Быть может, крылья растоплю я,
Быть может, выйдя в чистоплюю,
Не стану руки я марать
О торжествующую рать.
Быть может!.. Но пока ночами
Мне любо над стихом корпеть —
То в сладком гневe закипеть,
То хохотать, когда случайно
Под озорным карандашом
Король предстанет нагишом...

17

Я знаю, слыть ей клеветой,
Ведь жизнь в поэме — без прикрас.
И грязью быть ей обливаю,
Опубликуй её как раз...
Уж критика не поленится,
И удалая поленница,
Все тридцать три богатыря,
За то судьбу благодаря,
Что есть возможность наловчиться
В разбойном ремесле своём, —
Наскочит на меня с дубьём,
Как свора ловчих на волчицу.
И «Мала куча!» — вой издаст,
И ну гвоздить во что горазд...

18

Мне на Парнас не выдан пропуск,
Я — самоучка-пародист,
И не попасть за этот опус
В литературный парадиз:
Нехватка явная таланта...
Была бы хоть ума палата,
Так ведь и та — который год —
Закрыта на переучёт.
Товару в ней на грош не купишь.
Она, как в бублике дыра.
Она, как атом без ядра.
Как тот карман, в котором кукиш.
Но я упрям: пусть я таков,
А не отдам своих стихов.

19

Пусть я не верил никогда в них, —
Теперь я греюсь их теплом.
Я не отдам недель тех давних,
Когда, усевшись за диплом,
Я понял то, чего не чаял:
И мне дано не спать ночами,
И мне дано мой мир облечь

В ещё неслыханную речь.
Ни боль любви, ни правды пламя,
Ни соль и горечь эпиграмм,
Ни нашей жизни мелкий срам —
Ничто в поэме не отдам я!..

.....
А может, кончить хвостовство?
Проголосуем? — Большинство!

Весна 1946 г. Второй курс физфака